Макарова Полина Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков для факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: polina.makarova89@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ В 1840–1850-х гг.: ЗАРОЖДЕНИЕ РОМАНА-ФЕЛЬЕТОНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОПУЛЯРНОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Статья посвящена обзору литературной обстановки во Франции 1840–1850-х гг., в частности появлению в литературе и журналистике этого периода романа-фельетона, а также анализу полемики, развернувшейся во французской литературе вокруг этой жанровой формы в 1836–1848 гг. Обращение к данному вопросу позволило выявить важные сдвиги, происходившие в литературной среде того периода, например, появление во Франции такого понятия, как печать. Обусловили подобные процессы и значительные изменения в литературе: реабилитацию «низкого» жанра романа, возникновение феномена популярной беллетристики и проявление оппозиции «элитарная литература — популярная беллетристика». В статье также рассматривается проблема терминологии, связанная с явлением популярной беллетристики и ее жанровыми формами, а на примере французского исторического романа 1840–1850-х гг. прослеживаются трансформации, происходящие в литературе в этот период в связи с изменением общественной и литературной обстановки в стране.

Ключевые слова: *роман, роман-фельетон, пресса, популярная беллетристика, романтизм, «спор» о романе-фельетоне, промышленная литература.*

Polina A. Makarova, PhD in Philology, Lecturer of the Chair of Foreign Languages for the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: polina.makarova89@gmail.com

FRENCH LITERARY CONTEXT IN THE 1840–1850: THE EMERGENCE OF ROMAN FEUILLETON AND POPULAR LITERATURE

The paper discusses the French literary context in the 1840s – 1850s. In particular, it focuses on the emergence of a new genre, le roman feuilleton, in literature and journalism. The paper analyzes the debates surrounding this genre from 1836 till 1848. The author contends that a study of this genre allows to identify some crucial shifts occurring in the French literary field. One of them was a widespread expansion of the press at that time. These shifts conditioned the rehabilitation of the "vulgar" genre of the novel, the rise of popular literature, or belles lettres, and the emergence of the opposition "elite literature – popular literature". The paper also examines the terminology problem concerned with the phenomenon of popular literature and its genre forms. Using the example of the

French historical novel of the 1840s – 1850s the author studies the transformations which took place in the French literary field during this period.

Key words: *novel, roman feuilleton, the press, popular literature, romanticism, controversy over roman feuilleton, industrial literature.*

Введение

Общественная, а вместе с ней и литературная жизнь Франции начиная с 1830-х гг.[1] претерпевает значительные изменения. Появление большого количества разнообразных газет и журналов становится первым признаком зарождения печати. Подобные изменения сопровождаются определенными сдвигами в общественном устройстве страны. Во-первых, возрастает важность парламентской жизни, в 1848 г. вводится всеобщее право голоса для мужчин, а с ним растет и количество избирателей. Газеты широко используются для выражения тех или иных политических взглядов, являются инструментом привлечения электората. Венгерский исследователь Шандор Кале отмечает значительную роль, которую играла пресса в то время: «Пресса позволяет политическим деятелям распространять среди читателей свои идеи, поэтому у каждой партии есть своя газета[2], посредством которой она старается убедить свой потенциальный электорат. Увеличение числа газет, вызванное восстановлением сферы общественной жизни, создает конкуренцию среди тех, кто хочет, чтобы его позиция была услышана» (Kálai, 2012). Кроме того, технический прогресс в области книгопечатания и бумажного производства, а также прогресс в области образования широких кругов общества (в 1833 г. принимается первый закон о всеобщем начальном образовании) способствуют росту числа потенциальных читателей. В 1830-х гг. меняются и расширяются функции прессы: если ранее газеты использовались преимущественно как инструмент политической пропаганды, то теперь пресса становится полноценным источником сведений о мире, выполняет в том числе и образовательную функцию. Из журналов и газет человек отныне может узнать обо всем. По мнению Алена Вайана, до начала XIX в. литература и органы печати имели целью высказать какую-либо позицию и затем убедить в ее правильности читательскую публику (Vaillant, 2006: 11–22). Однако позднее задачи изменились: отныне речь шла не о выражении того или иного мнения, а о том, чтобы поведать читателю о мире, стать посредником между окружающей действительностью и читателем.

Подобные изменения были связаны с зарождением сферы печати, и журналы играли важную роль в этом культурном процессе.

Спор о романе-фельетоне

В связи с ростом потенциального круга читателей и возрастающей ролью прессы в образовании общества, ежедневные газеты стараются составить конкуренцию журналам: они посвящают нижнюю часть страницы, называемую «фельетоном», путевым заметкам, критическим статьям о литературе и театре, новостям общественной и культурной жизни. Чтобы привлечь читателей, в ежедневной прессе начинают публиковать литературные произведения, мода на которые была введена журналами. Так, в 1836 г. возникает роман-фельетон, «отцом» которого считается Э. де Жирарден. Знаменательной становится дата 1 июля 1836 года, когда Э. де Жирарден и А. Дютак одновременно начинают выпускать газеты «Ла Пресс» (*La Presse*) и «Ле Сьекль» *(Le Siècle)* соответственно, где публикуют «романы с продолжением». Здесь следует уточнить, что до этого момента многие романисты, в частности О. де Бальзак, А. Дюма, А. де Виньи, сначала публиковали свои произведения в литературных журналах, а лишь затем выпускали их в формате книги[3]. Однако именно с 1836 г. роман входит в *ежедневную* прессу, занимая место в нижней части страницы. Первыми романами-фельетонами такого рода становятся «Графиня Солсбери» (*La Comtesse de Salisbury*) А. Дюма, опубликованная в «Ла Пресс» с 15 июля по 11 сентября 1836 г., и «Старая дева» (*La Vieille fille*) О. де Бальзака, вышедшая в той же «Ла Пресс» в октябре того же года. Именно Жираден и Дютак решают обратить внимание на жанр романа, долгое время считавшийся «низким» жанром, к которому относились с пренебрежением. Однако в форме романа-фельетона роман переживает второе рождение и достигает своего расцвета. После нескольких лет с начала выхода первых фельетонов роман постепенно захватывает всю литературную часть газет, становится популярен у все большего круга читателей. С публикацией «Парижских тайн» (*Les Mystères de Paris*, 1842–1843) Э. Сю в «Ле Журналь де Деба» (*Le Journal des Débats*), а также романов А. Дюма и Ф. Сулье начинается настоящая фельетонная лихорадка: «Жизнь газеты по большей части зависит от романов, которые она публикует» (Le roman-feuilleton, 1993–1994: 133). Газета «Ле Католисизм» (*Le Catholicisme*) в статье «Роман в 1837 году»

(*Le roman en 1837*), вышедшей в январе 1837 г., отмечает, что «все читают и читают романы и ничего, кроме романов; именно по романам изучают историю, извлекают уроки морали и философии» (Le roman-feuilleton, 1993–1994: 137). Поскольку книга остается недоступной широкому кругу читателей из-за высокой цены, то газеты становятся подходящей альтернативой для большинства населения. Роль романа-фельетона в развитии жанра романа в XIX столетии отмечается и отечественными, и зарубежными исследователями данного феномена в литературе (см. Quéffelec-Dumasy, 1989; Le roman populaire, 2008; Пахсарьян, 2006).

Однако большая популярность романа-фельетона провоцирует дискуссию, развернувшуюся во французской литературе в 1836–1848 гг. и затронувшую большое количество писателей, журналистов, критиков, политических деятелей. Ш. Кале замечает, что на протяжении всего спора можно проследить все более усиливающееся противостояние между журналами, которые настороженно относятся к фельетону, и ярыми защитниками элитарной литературы, с одной стороны, и газетами, открыто поддерживающими фельетон, – с другой. Так, «Ле Конститюсьонель» (*Le Constitutionnel*) становится орудием в борьбе против романтизма. В ней выходят несколько статей, подписанных инициалами L.R., которые выражают явную враждебность по отношению к новому типу литературы. Газета «Ле Журналь де Деба», которая являлась рупором власти при Июльской монархии, вынуждена была сдержанно высказываться о жанре романа-фельетона, поскольку сама публиковала сочинения такого рода, в частности «Парижские тайны» Э. Сю. Одним из главных аргументов противников фельетона оказалась его периодичность, фрагментарность: роман-фельетон ввел технику публикации порциями. Однако Л. Денуайе, высказываясь в защиту новой формы, отмечает, что фельетон задает ритм нашему существованию: «Если хорошо присмотреться, все на этом свете лишь фельетон, то есть серия, последовательность, фрагмент, продолжение чего-то <...> Эта формула («продолжение следует». – *П. М.*) навязана газетам, увы, самой их природой»[4]. Тем самым литературный редактор «Ле Сьекль» превращает обвинение в главный аргумент защиты. Важное место в «споре» о романе-фельетоне занимает статья Ш. Сент-Бева «О промышленной литературе» (*De la littérature industrielle*), вышедшая в свет в журнале «Ревю де Дё Монд» (*La Revue des Deux Mondes*) в 1839 году[5]. Сент-Бев обрушивается с критикой в адрес литературы нового типа, за-

мечая, что самая главная проблема современной ему литературы заключается в том, что она стала индустриальной. Теперь писатель творит исключительно для того, чтобы обеспечить свое существование. На смену серьезной и вдумчивой работе пришла поверхностная и торопливая импровизация. Гашон де Молен отмечал в журнале «Ревю де Дё Монд», что причиной коммерциализации литературы является именно роман-фельетон[6]. Критик хотел исключить из области литературы некоторые темы и стилистические приемы, которые наиболее тесно связаны с газетной прозой. По мнению Ш. Кале, подобные высказывания противников литературы нового типа выдают страх политической и культурной элиты потерять контроль над развитием прессы и литературы в эпоху, когда господствуют коммерция и печать.

Расцвет жанра романа благодаря форме романа-фельетона накладывает свой отпечаток на литературу XIX столетия. Подобная форма публикации и сжатые сроки, обусловленные выпуском газет, приводят к вырабатыванию писателями определенных приемов. Литература подстраивается под требования общества и времени, актуализируется, становится более злободневной, связанной с настоящим. Ориентация на рабочий класс обуславливает обращение к социальным вопросам и проблемам. Все больше проявляется оппозиция между элитарной литературой и новым феноменом – популярной беллетристикой, «легкой», увлекательной литературой для широкого круга читателей.

Популярная беллетристика: подходы к изучению и проблема терминологии

Рассмотрение явления популярной беллетристики ставит проблему перед исследователями уже на уровне терминологии. Для обозначения данного феномена в литературоведении используются различные термины. Уже с XIX в. во Франции подобную литературу (речь идет, главным образом, о жанре романа) называют «романы для прислуги», «романы для кухарок», «романы для портье», а также «литература за два су», «недорогая литература» и т.д. (см. подробнее: Boyer, 1992). В немецком литературоведении встречаются *Trivialliteratur* (которой противопоставлена *Hochliteratur* – «литература для элиты»), *Literatur für Viele* («для широкого круга»), *Unterhaltungsliteratur* («развлекательная литература») и другие. В английском языке наиболее употребителен

термин *popular literature*, но также существуют *pulp fiction, pulps, literature of entertainment*. В современном французском литературоведении исследователи, наряду с *littérature populaire* и *littérature de masse*, все больше используют термин *paralittérature* («паралитература») (см. Boyer, 1992; Lacassin, 1991; Nathan, 1991; Tortel, Lacassin, Noël, 1970). Знаковым событием в закреплении термина «паралитература» для обозначения данного понятия стал коллоквиум «Беседы о паралитературе» (*Entretiens sur la paralittérature*) в Серизи в сентябре 1967 года. В отечественном литературоведении чаще всего используются термины «массовая литература» и «популярная беллетристика» (см. Лотман, 1993; Гудков, Дубин, Страда, 1998; Вершинина, 1998), термин «паралитература» пока не распространен среди отечественных исследователей, возможно, ввиду его отрицательной «окололитературной» коннотации. В данной статье представляется более продуктивным использование термина «популярная беллетристика» для рассматриваемого нами явления, поскольку, несмотря на отсутствие во французском языке аналога русскому термину «беллетристика» (нем. термин *Belletristik*), данное понятие возникло на основе именно французского и вбирало в себя те качества, что содержала в себе французская литература того времени: легкость слога, увлекательная манера повествования, захватывающая фабула[7]. Термин «массовая литература» представляется менее подходящим, поскольку в интересующий нас временно́й промежуток (1830–1840-е гг.) феномена массовой литературы в строгом смысле слова (формировавшегося в тесной связи с культурой эпохи «восстания масс») еще не существовало.

Традиция изучения феномена популярной беллетристики XIX в. в зарубежном литературоведении зарождается во второй половине XX столетия[8]. После коллоквиума «Беседы о паралитературе» появляются работы Марка Анжено («Популярный роман, исследования паралитературы», 1975), Ива Оливье-Мартена («История популярного романа во Франции с 1840 по 1880», 1980). По мнению Анжено, литература и паралитература неотделимы друг от друга. Паралитература одновременно несет и эстетическую, и социальную функции: она касается задач образования, назидания, воспитания. Обращение к изучению явления популярной беллетристики заставляет исследователей обратить внимание и на жанр roman populaire[9], лежащий у истоков данного феномена, а также на тесно связанную с ним форму романа-фельетона. Сле-

дует, однако, разграничивать понятия roman populaire и романа-фельетона: роман-фельетон являлся лишь формой публикации популярного романа и существовал недолго, в то время как roman populaire зародился до появления романа-фельетона и продолжал существовать после его исчезновения. Ив Оливье-Мартен указывает на то, что roman populaire долгое время был исключен из сферы интересов истории литературы и литературной критики. Вплоть до настоящего времени этот жанр рассматривается как относящийся к несерьезной литературе не очень высокого качества. Roman populaire отличается от исторического романа или приключенческого, так как он описывает борьбу Добра и Зла в настоящем, в обществе, современном авторам и читателям, в то время как в историческом романе это противостояние двух сил перенесено в прошлое. Читатель исторического романа переживает прошлое в настоящем, читатель же roman populaire старается идентифицировать себя с персонажами и окружающей обстановкой, получает объяснение общества XIX и XX вв. Читатель roman populaire идентифицирует себя с современными персонажами, а не с персонажами историческими.

Необходимо провести границу между roman populaire и приключенческим романом. По мнению Жана-Ива Тадье, даже если, подобно приключенческому роману, roman populaire «делит своих персонажей на две категории, положительных и злодеев (что не совсем соответствует понятиям "друг" и "враг" приключенческого романа), если фабуле roman populaire также присущи саспенс, резкие повороты сюжета, неожиданные события, его задачи более обширны: изображение народных слоев, рабочего класса, терроризируемого "знатными сеньорами/отрицательными героями", воссоздание образа большого города, например Парижа или Лондона» (Tadié, 1982: 17). Roman populaire подчас тесно взаимодействует с историческим романом или приключенческим, но в историческом романе история – всегда предмет изображения, в то время как в roman populaire – лишь фон, декор и всегда оттеснена на второй план. Отношения приключенческого романа с Историей туманны и запутанны: приключенческий роман нуждается в смене обстановки, которую, как и путешествия, дает перенесение событий в прошлое. Описание прошлого, как и экзотических стран, не является целью данного жанра, лишь средством.

Даниэль Куэнья в монографии «Введение в паралитературу» (*Introduction à la paralittérature*, 1991) описывает два подхода к паралитературе, имеющие место в литературоведении. С точки зрения первого подхода (Куэнья приводит в качестве примера учебники по истории литературы 60-х гг. XX в.), паралитература – «плохая литература», характеризующаяся определенными признаками, а именно:

- значительная часть повествования посвящена неправдоподобным приключениям;
- образы персонажей не проработаны с точки зрения психологизма, очерчены бегло и схематично и не подвергаются интерпретации, поскольку в характерах отсутствует проблематика;
- форма подобных произведений характеризуется наличием повторений, клише, нарративных стереотипов и карикатур (Couégnas, 1992: 17-18).

Второй же подход не видит оснований для четкого разграничения литературы и паралитературы и их оппозиции как «высокой»/«низкой» литератур. Куэнья также выдвигает идею интертекстуальности, имманентно присущей явлению паралитературы: «происходит циркуляция от текста к тексту, и в то же время это один и тот же текст» (Ibid: 85). Среди характерных свойств паралитературных текстов он выделяет нарративную растянутость, отсутствие описаний, излишней детализации, обилие диалогов, наличие захватывающего сюжета и приема напряженного ожидания (suspense). Свое определение паралитературного произведения Куэнья формулирует следующим образом: «Мне кажется, что произведение тяготеет к паралитературной модели, как только оно проявляет себя как исключительно нарративное, с доминированием герменевтического кода и повествованием, движимым приемом саспенса» (Ibid: 150).

Алену-Мишелю Буайе термин «паралитература» кажется пока наиболее подходящим для обозначения «печатной продукции, которая располагается за пределами литературы» (Boyer, 1992: 18). Исследователь признает наличие в литературном мире некоего «разлома», «трещины» между тем, что принято называть массовой литературой – литературой потребления, или паралитературой (сюда Буайе относит roman populaire XIX в., шпионский роман, научную фантастику, различные формы детективного жанра и

т.д.), и тем, что называют литературой – признанной литературой, эти произведения изучаются и ценятся. Современная паралитература, считает ученый, не является результатом простой мутации различных форм народной литературы. Она целиком представляет собой продукт индустриального общества. Таким образом, Буайе акцентирует внимание на социально-общественной природе феномена паралитературы.

Интересный подход к феномену массовой литературы излагает Дж. Г. Кавелти в своей работе «Изучение литературных формул» (*The Study of Literary Formulas*) (см. Кавелти, 1996). Он относит подобные произведения к формульной литературе. Литературную формулу автор определяет как «структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений» (Кавелти, 1996: 34). Исходя из классификации архетипов, предложенной Н. Фраем, Кавелти выводит основные разновидности литературных формул: приключение, тайну, мелодраму, любовную историю (romance), чуждые существа и состояния (комедийные формулы им не рассматриваются). Умение использовать стереотипные характеры и ситуации таким образом, чтобы они зажили новой, увлекательной жизнью, особенно важно для формульного искусства. Еще одна важная характеристика формульной литературы – доминирующая ориентация на отвлечение от действительности и развлечение. Поскольку такие формульные типы литературы, как приключенческая и детективная, часто используются как средство временного отвлечения от неприятных жизненных эмоций, подобные произведения нередко называют паралитературой (противопоставляя литературе), развлечением (противопоставляя серьезной литературе), популярным искусством (противопоставляя истинному), низовой культурой (противопоставляя высокой) или прибегают еще к какому-нибудь уничижительному противопоставлению (там же: 41–42). Формульной литературе свойственен высокий уровень стандартизации, каждая ее разновидность представляет собой «установленный традицией способ сочетания определенной темы с композиционной формой и особенностями поэтического языка» (там же: 38).

В своих работах литературоведы стремятся выявить характерные черты популярной беллетристики, конкретные маркеры, позволяющие отнести то или иное произведение к данному явлению. Так, Альфред Ноэ выделяет ряд признаков, характери-

зующих произведения паралитературы[10]. Помимо внешних признаков (паратекст, характерная обложка, принадлежность к той или иной серии или циклу) сюда относятся: постоянное использование одних и тех же нарративных схем (декор, персонажи) без какой-либо иронической или пародийной дистанции; полная ассимиляция означаемого и означающего таким образом, что воображаемый мир не рассматривается как языковое творение, но как другая реальность, менее сложная, более понятная; мир паралитературы (Ноэ использует также термин «литература потребления») разделен на плохих и хороших, подобно религиозному дуализму; персонажи такой литературы характеризуются по своей функции в интриге произведения и не выказывают какой-либо психологической эволюции. По мнению исследователя, такая статичность характеров сближает подобную литературу с текстами средневековой эпохи. И главное: литература потребления пробуждает в читателе близкие и понятные ему эмоции, которые он безошибочно распознает посредством повторяющихся символов и ключевых выражений. Именно это обеспечивает популярность такого рода литературы.

В целом, несмотря на достаточно позднее обращение западного, в частности французского, литературоведения к вопросу зарождения популярной беллетристики и roman populaire, а также феномену романа-фельетона, стоит отметить, что на волне интереса к современной паралитературе исследователи все чаще обращаются и к истокам данного явления[11].

Тем не менее, если в западном литературоведении интерес к феномену популярной беллетристики стойко проявляется с 1970-х гг., то в отечественной науке изучение этого явления развивается нестабильно. Как отмечает Ю.М. Лотман, интерес к массовой литературе в русском классическом литературоведении возник как «противодействие романтической традиции изучения «великих» писателей, изолированных от окружающей эпохи и противопоставленных ей» (Лотман, 1993: 380). Такой подход, нашедший свое отражение в работах А.Н. Веселовского, А.Н. Пыпина, В.В. Сиповского, С.А. Венгерова, а позже – В.Н. Перетца, М.Н. Сперанского, В.П. Адриановой-Перетц и других исследователей, обусловил обращение к низовой и массовой литературе. Более позднее возобновление интереса к феномену популярной беллетристики связано с работами советских литературоведов 20-гг. XX в., прежде всего Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова. Одна-

ко в дальнейшем изучение данного вопроса было приостановлено, о чем свидетельствует наличие лишь обобщающих трудов по истории литературы. С точки зрения Лотмана, понятие массовой литературы – понятие социологическое. Оно касается не столько структуры того или иного текста, «сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру. Понятие "массовой литературы" в первую очередь определяет отношение того или иного коллектива к определенной группе текстов» (Там же: 381). При этом исследователь акцентирует внимание на том, что явление массовой литературы подразумевает в качестве обязательной антитезы некоторую «вершинную культуру». Таким образом, оппозиция «высокой»/«низкой» литературы выделяется и отечественными литературоведами. Однако ряд исследователей, в частности В.Е. Хализев и И.А. Гурвич, по традиции, идущей от В.Г. Белинского, противопоставляют беллетристику как «полноправную часть художественной литературы» и литературному «верху», и литературному «низу» (см. Хализев, 1994: 103)[12] – последний в данном случае находится за пределами литературы.

В последнее время появляется все больше отечественных работ о феномене массового в литературе (см. Козлов, 2009; Крижовецкая, 2008; Пахсарьян, 2009; Саморуков, 2006; Согомонян, 2009). Обращаются литературоведы и к истокам этого явления, в частности к роману-фельетону. Жанровый тип романа-фельетона выступил одновременно как своеобразная вершина романтической историко-социальной прозы и как исток массовой литературы и культуры конца XIX – начала XX в. – романов Э. Сю, П. Феваля и др. (см. Пахсарьян, 2006). По мнению К.А. Чекалова, «паралитература» кристаллизуется именно в недрах «романа-фельетона», архетипическим образом которого становятся «Парижские тайны» Э. Сю. Главным же культурным событием, повлиявшим на становление паралитературы, явилось развитие романтической прозы – именно она оказалась весьма существенной питательной средой для эволюции наиболее значимых паралитературных жанров (см. Чекалов, 2006; Чекалов, 2008). В связи с этим кажется небезынтересным обратиться к конкретным примерам французской романтической прозы 1840-1850-х гг. с целью наглядно проследить наличие (или отсутствие) характерных признаков популярной беллетристики, тем и мотивов, проникших в литературу с измене-

нием общественной и литературной обстановки в стране в этот период.

Элементы популярной беллетристики во французском историческом романе 1840–1850 гг.

Прежде всего, следует объяснить наше обращение к французского историческому роману середины XIX в. как объекту для анализа. Дело в том, что именно жанр исторического романа, переживающий свой расцвет во Франции в первой половине XIX столетия, постепенно развиваясь, ближе к середине века начинает активно взаимодействовать с формами популярной романной прозы.

Для исследования мы выбрали три французских исторических романа указанного периода: «Жан Кавалье, или Фанатики Севенн» (*Jean Cavalier ou Les fanatiques des Cevennes*) Э. Сю о Севеннском восстании 1704 г., «Дочь регента» (*Une Fille du Régent*) А. Дюма, посвященный заговору бретонского дворянства против регента Филиппа II Орлеанского, и «Одержимая» (*L'Ensorcelée*) Ж. Барбе д'Оревийи, повествующий о шуанском движении в Нормандии. Выбор этот неслучаен: все три произведения первоначально публиковались в форме романа-фельетона. Произведение Э. Сю выпускалось в форме романа с продолжением в Ревю де Пари: первая часть («Севеннский архипресвитер») с ноября 1839 по январь 1840 г., вторая («Прекрасная Изабо») – с января по апрель 1840 г. «Дочь регента» А. Дюма выходит как роман-фельетон в «Ле Коммерс» (*Le Commerce*) с 25 апреля по 13 июля 1844 г. Роман Ж. Барбе д'Оревийи начал печататься в 1852 г. в форме романа-фельетона под названием «Одержимая, или Месса аббата Круа-Жюгана» (*L'Ensorcelée ou La Messe de l'Abbé de la Croix-Jugan*); под названием «Одержимая» (*L'Ensorcelée*) роман вышел лишь в 1855 г.

Сопоставительный анализ позволяет выявить определенный набор приемов создания увлекательности, используемый историческими романистами в своих произведениях. Прежде всего, это наличие готических элементов в романах. Важно отметить, что готическая традиция стала одним из источников для зарождения roman populaire. Влияние готического, а также близкого к нему «неистового» романтического романа присутствует во всех трех рассмотренных произведениях.

Мрачные, «инфернальные» краски и зловещие описания присутствуют в «Жане Кавалье», например, в сцене явления «детей-пророков» севенцам ночью во время грозы: «Гроза усиливалась. Дождя не было, тьма стояла непроглядная. <...> Башни замка стекольщика, которые вот уже некоторое время пропали из виду, вдруг вспыхнули во мраке. Струи серного пламени вырвались из окон, подобно гигантским вспышкам»[13, 14].

В романе «Дочь регента» это, в первую очередь, образ замка, крепости: он воплощен в монастыре, где воспитывалась одна из героинь – Элен де Шаверни. Именно с его описания начинается рассказ о событиях в Бретани: «Издалека это строгое и печальное строение напоминало тюрьму, полную мрачных страданий; вблизи это оказался монастырь, населенный молодыми августинками»[15]. Кроме того, ореолом мистического окутана история бретонца Понкалека о пророчестве касательно его смерти (глава «Колдунья из Савнэ»). Образ никому не известной зловещей старухи, предсказывающей заговорщику смерть от моря, вносит в произведение мотив тайны, загадочности.

Если у Э. Сю основным готическим архитектурным атрибутом является замок стекольщика Дю Серра, а у А. Дюма – бретонский монастырь, то в «Одержимой» это, безусловно, аббатство Бланшеланда, о котором повествователь рассказывает читателю в первой главе. Заброшенное после революции аббатство оказывает гнетущее действие на всю окружающую местность. Таким образом, начиная с экспозиции, описывающей пугающие жителей ланды и мрачное аббатство, автор погружает читателя в кадр вполне в духе одного из жанров популярной беллетристики – романа ужасов. На пересечении фантастического и готического находится и финальная сцена произведения – пасхальная месса, которую служит аббат Круа-Жюган ровно через год после своей гибели в той же самой церкви, где он был застрелен. Невероятная и жуткая сцена, представленная читателю глазами местного кузнеца Пьера Клу. Наказание аббата за его преступления при жизни против своего предназначения и за попытку самоубийства – обреченность на муки вечно пытаться отслужить свою последнюю мессу, однако никогда не смочь отслужить ее до конца. Забывая слова молитвы, Круа-Жюган вновь и вновь вынужден начинать сначала: «Он продолжал бормотать свою молитву, сам себе отвечая и звоня в колокольчик, когда это следовало делать, но чем дальше он продолжал, тем более он смущался... Он беспокоился,

прерывался... Готов поклясться, что он будто забыл свое ремесло <...> для него это было хуже ада, эта месса, которую он пытался закончить, но которая ускользала из его памяти и с его губ!»[16]. То наказание, что призван понести в загробном мире Круа-Жюган за свои прегрешения, автор являет читателю через сверхъестественный эпизод, наглядно демонстрируя его и, в то же время, поражая читателя зловещей сценой, ставя мощный финальный аккорд и сближая «Одержимую» с фантастическими произведениями. Ц. Тодоров отмечает: «Фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» (Тодоров, 1997: 18). Такова реакция на события «Одержимой» не только читателей, но и самих героев романа, в частности Пьера Клу, мэтра Тэнбу и других жителей деревни. Подобный ход держит публику в напряжении до самого финала, не позволяя потерять интерес даже после логического завершения истории главных персонажей.

Отличительным свойством романа «Одержимая» от других рассматриваемых романов (Э. Сю и А. Дюма) является присутствие мотива крови, а также наличие телесного топоса в произведении. Возможно, подобное широкое употребление данных элементов говорит о сильном влиянии готического романа на творчество Ж. Барбе д'Оревийи, а также предвещает зарождение в популярной беллетристике такого жанра, как триллер.

Отдельного рассмотрения заслуживает структура анализируемых романов. Во всех трех произведениях можно отметить характерные для паралитературы приемы построения текста: введение в повествование мотива напряженного ожидания (саспенса), неожиданные повороты сюжета, краткость описаний, преобладание диалогов для поддержания читательского интереса. В «Жане Кавалье» глава подчас обрывается на ключевом моменте сцены, заставляя читателя продолжать чтение (главы «Путешествие», «Пророчества»). Однако это может быть обусловлено особенностями романа-фельетона, в форме которого первоначально публиковался роман, ведь эта форма предполагает публикацию порциями.

Принцип публикации порциями обусловил и активное использование техники повтора в романе «Дочь регента»: «Вся эта сцена, *как мы уже сказали* (курсив наш. – *П.М.*), разворачивалась на улице, куда выходили окна Элен» (86); «По адресу, который Гастон дал Элен, на улице Бурдонне, *как наш читатель уже знает* (кур-

сив наш. – *П.М.*), находился трактир, который можно было бы даже назвать гостиницей» (107). Еще одним следствием публикации произведения в форме романа-фельетона является постоянное присутствие рассказчика в романе. По мнению Лизы Кеффелек-Дюмаси, это характерно для романов, выходящих порциями, поскольку для удержания читательского интереса от номера к номеру необходимо было создавать иллюзию диалога, постоянной коммуникации автора и читателя (см. Queffélec, 1989: 13). Таким образом, роман-фельетон способствовал усилению в произведении фигуры рассказчика-повествователя. В «Дочери регента» можно наблюдать достаточно примеров подобной техники: «– Да, ты прав, – сказал герой, который взял на себя роль поборника справедливости, в котором, *как мы надеемся* (курсив наш. – *П.М.*), читатель узнал регента Филиппа Орлеанского» (4); «Двое молодых людей находились в комнатах, *куда мы уже проводили читателя вслед за регентом и Дюбуа* (курсив наш. – *П.М.*)» (168); «Необходимо теперь, чтобы *наши читатели позволили нам* (курсив наш. – *П.М.*) обратить взгляд немного назад <...>» (205).

В «Одержимой» же для создания увлекательности используются иные способы, нежели у Э. Сю или А. Дюма: внимание читателя привлекается не с помощью захватывающей интриги, динамичности и резких поворотов сюжета, а через введение мистических элементов в повествование, сцен в духе готического романа, волшебных атрибутов.

В рассмотренных нами романах присутствуют определенные мотивы, свойственные впоследствии различным жанрам популярной беллетристики. Так, в «Жане Кавалье» можно наблюдать характерный для популярного романа мотив раскрытия тайны, имеющий место, прежде всего, в финальной сцене произведения (открытие Кавалье тайны Туанон, узнавание Туанон и Изабеллой о том, что судьбы обеих связаны с фигурой маркиза де Флорака). Этот же мотив встречается позднее в романе «Дочь регента» (узнавание главным героем Гастоном, что регент Филипп Орлеанский, которого он призван убить, – отец его возлюбленной). Встречается и мотив переодевания, перешедший из XVII–XVIII вв. в популярную литературу (путешествие Туанон и Табуро под видом протестантки и пастора у Э. Сю; в случае же «Дочери регента» весь роман напоминает маскарад, где главный герой Гастон, полагая, что находится среди друзей, с самого приезда в Париж оказывается в руках переодетых

регента и министра Дюбуа). Э. Сю обыгрывает и форму романа: финальная сцена (глава «Разоблачения») состоит из реплик персонажей, организованных по принципу драматургического произведения, способствуя тем самым усилению драматизма ситуации. В романе «Дочь регента» находят отражение мотив дороги/путешествия, а также образ трактира/таверны/постоялого двора: помимо исторического романа, эти мотивы вписываются и в поэтику романа приключенческого, получающего свое развитие в середине XIX столетия, а позднее переходят в другие жанры популярной беллетристики (детектив, шпионский роман и др).

Что же касается романа Ж. Барбе д'Оревийи, то в нем есть то, что не было свойственно французскому историческому роману 20–30-х гг. XIX в., – вера в сверхъестественное. Причем не только герои романа верят в него, но и сам автор. Это то новое, что приобретает жанр исторического романа в середине XIX столетия. Он не только развивается в сторону социального и приключенческого романа[17], что мы видим на примере Э. Сю и А. Дюма. Он развивается и трансформируется и в другом измерении: в сторону фантастического, присутствия мистического пласта, сверхъестественного в произведении. Многие сцены и эпизоды предвосхищают возникновение таких жанров популярной беллетристики, как триллер и фантастика.

* * *

Важно отметить, что при наличии всех этих элементов проанализированные романы не утрачивают связь с предшествующей жанровой традицией и сохраняют черты романтического исторического романа первой половины XIX в. Однако изменение общественной и литературной обстановки в середине столетия не может не накладывать свой отпечаток: подстраиваясь под новые условия, литература вынуждена трансформироваться, традиционные жанровые формы обращаются к новым темам и вбирают новые инструменты в свою структуру, дабы не утратить актуальность, востребованность у читательской публики. В условиях расширения круга потенциальных читателей за счет развития прессы и появления романа-фельетона расширяются и границы литературы: она вбирает в себя то, что ранее литературой не считалось и зачастую находилось за ее пределами, – элементы популярных форм романной прозы, черты littérature populaire.

Примечания

[1] Исследователи выделяют обширный период с 1800 по 1914 г. как время формирования и развития прессы во Франции и в Европе в целом (см. напр.: Boyer Alain-Michel. La Paralittérature (1992); Compère Daniel. Dictionnaire du roman populaire francophone (2007); Recherches en littérature populaire // Tapis Franc № 6, 1993–1994), однако рассматриваемый промежуток (1830-е – 1850-е гг.) представляет наибольший интерес, поскольку именно с ним связаны зарождение и расцвет ряда явлений, влияющих на ситуацию в литературе, в частности – романа-фельетона.

[2] Здесь следует оговорить, что подобная функция прессы стала неотъемлемой частью политической жизни Франции еще в период Великой французской революции.

[3] Так, например, «Силуэт женщины» (*Etude d'une femme*) О. де Бальзака первоначально появляется 12 марта 1830 г. в журнале «Ля Мод» Э. де Жирардена и лишь в 1831 г. публикуется в издании «Философские романы и сказки» (*Romans et contes philosophiques*) (см.: Balzac O. de. Romans et contes philosophiques: en 3 volumes in-8. Vol. 3. P.: Edit. Gosselin, 1831. P. 301–320).

[4] Desnoyers Louis. Un peu d'histoire à propos de roman // Le Siècle, les 5, 28 et 29 septembre 1847. P. 127, 133.

[5] Sainte-Beuve Ch.-A. De la littérature industrielle // La Revue des Deux Mondes, 1er septembre 1839/ cité dans La Querelle du roman-feuilleton: littérature, presse et politique, un débat précurseur, 1836–1848 / textes réunis et présentés par Lise Dumasy. Grenoble: ELLUG, 1999. P. 25–43.

[6] Gaschon de Molènes P. Revue littéraire // La Revue des Deux Mondes, 15 décembre 1841, 15 mars 1842, 15 juin 1843 // cité dans Queffélec-Dumasy L. La Querelle du roman-feuilleton: littérature, presse et politique, un débat précurseur, 1836-1848. Grenoble: ELLUG, 1999. P. 157–183, 184–209 et 210–235.

[7] Некоторые исследователи отмечают, что под влиянием немецкого термина *Belletristik* во французском языке существовало слово *belletristique*. Подробнее о значении этого термина и его существовании во французском языке см.: Ladmiral J.R. Elements de traduction philosophique // Langue francaise. 1981. №51. P. 19–34.

[8] В 1970–80-х гг. многие французские журналы посвящают свои номера популярной литературе, roman poulaire, роману-фельетону: Le roman feuilleton // Europe. P.: 1974. № 542; Les genres de la littérature populaire // Poétique. P.: 1974. № 19; Le roman d'aventures // Magasine Litteraire, juillet-aout 1976; Histoire de la littérature populaire. // Magazine Littéraire. P.: 1967. № 9; Littératures populaires. // Critique. P.: 1980. № 394.

[9] На наш взгляд, для обозначения данного понятия предпочтительнее французский термин roman populaire, более четко отражающий специфику явления, поскольку в русском понятии «популярный роман» заложена отрицательная коннотация современного понимания «популярного», «массового», в то время как в тот период слово «популярный» означало также «народный», созданный для народа, читаемый народом.

[10] Noe A. Romans populaires français du 19 siècle (интернет-версия лекций) // http://homepage.univie.ac.at/alfred.noe/Populaire/Populaire-index.htm (Дата обращения: 28.04.2014).

[11] Среди последних работ стоит отметить: Angenot M. Les dehors de la littérature: du roman populaire à la science-fiction (2013); Le roman populaire: des premiers feuilletons aux adaptations télévisuelles, 1836–1960 (2008), Richter Noë. Cinq siècles de lecture populaire (2000).

[12] Цит. по: *Литвиненко Н.А.* Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра // дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.05. Москва, 1999.

[13] Здесь и далее перевод мой. Цит. по изд.: Sue Eugène. Jean Cavalier ou Les fanatiques des Cevennes. Vol. I. P.: Librairie de Charles Gosselin, 1840. P. 308. В дальнейшем цитирую по этому изданию с указанием страниц в скобках.

[14] Подробнее о присутствии черт готического романа в этом произведении Э. Сю см.: *Макарова П.А.* Французский исторический роман 1840–1850-х годов: «Жан Кавалье, или Фанатики Севенн» Э. Сю // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 309–314.

[15] Здесь и далее перевод мой. Цит. по изд.: Dumas A. Une Fille du Régent. P.: Levy Frères Libr. Editeurs Paris, 1869. P. 34. В дальнейшем цитирую по этому изданию с указанием страниц в скобках.

[16] Здесь и далее перевод мой. Цит. по изд.: Barbey d'Aurevilly J. L'Ensorcelée. P.: Garnier-Flammarion, 1966. P. 248; 249. В дальнейшем цитирую по этому изданию с указанием страниц в скобках.

[17] Эти черты, в принципе, можно было встретить уже и у В. Скотта. Хотя его произведения и не причисляют к популярной беллетристике, в них есть характерные черты приключенческого романа, присутствует приключенческий элемент.

Библиография

Вершинина Н.Л. Проблема беллетристики как вида литературы в литературоведении 1930-х гг. // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998. С. 223–228.

Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул. // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.

Козлов Е.В. Развлекательный нарратив в паралитературе: культурный статус и дискурсивные практики // дисс. ... докт. философ. наук. 24.00.01. СПб, 2009.

Крижовецкая О.М. Нарратология современной беллетристики // автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10. 01.08. Тверь, 2008.

Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра // дисс. ... докт. филол. наук. 10.01.05. М., 1999.

Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993.

Массовая литература как социальный феномен / *Гудков Л., Дубин Б., Страда В.* Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. URL: http://www.iek.edu.ru/publish/pusl5.htm (дата обращения 27.01.2017).

Пахсарьян Н.Т. Фредерик Сулье и становление романа-фельетона во Франции XIX века // Французская литература 30–40-х гг. XIX века. Вторая проза / отв. ред. *А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов.* М.: Наука, 2006. С. 124–145.

Пахсарьян Н.Т. Эстетические ценности и оценки во французском популярном романе: динамика взаимодействия // Оценки и ценности в современном научном познании. Сборник научных трудов. – Т. 1. – Калининград: Изд-во РГУ им. Иммануила Канта, 2009. С. 29–39.

Саморуков И.И. Массовая литература: проблема художественной рефлексии. // дисс. ... канд. филол. наук. 10.01.08. Самара, 2006.

Согомонян М.К. Становление популярного романа в латиноамериканской прозе XIX века // дисс. ... канд. филол. наук 10.01.03. Москва, 2009.

Тодоров Цветан. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.

Хализев В. Е. Основы теории литературы. М., 1994.

Чекалов К. А. Жанровый поиск раннего Э. Сю (рубеж 1830–1840 гг.) // Французская литература 30–40-х гг. XIX века. Вторая проза // отв. ред. *А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов*. М.: Наука, 2006. С. 146–174.

Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции. XVII – первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Boyer A.-M. La Paralittérature. P.: PUF, collection «Que sais-je?» № 2673, 1992.

Couégnas D. Introduction à la paralittérature. P. : Seuil, 1992.

Guise R. Le roman-feuilleton et la vulgarisation des idées politiques et sociales sous la Monarchie de Juillet // Recherches en littérature populaire // Le Tapis Franc. №6. 1993–1994.

Kálai S. «Tout n'est que série, succession, suite et feuilleton ici-bas» // COnTEXTES [Revue électronique]. Liège: Université de Liège, 2012. № 10. Querelles d'écrivains (XIXe – XXIe siècles): de la dispute à la polémique. Available at: http://contextes.revues.org/4910 (Дата обращения: 19. 10. 2016).

Lacassin Francis. A la recherche de l'empire caché: mythologie du roman populaire. P.: Julliard, 1991.

Le roman populaire: des premiers feuilletons aux adaptations télévisuelles, 1835-1960 // dir. Loic Artaga. Éd. Autrement, 2008.

Nathan M. Splendeurs et misères du roman populaire. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1991.

Queffélec L. L'auteur en personne dans le roman populaire. Dumas, Sue // Le Tapis Franc. № 2. Hiver 1989. P. 7–27.

Quéffelec-Dumasy L. Le Roman-feuilleton français au XIX siècle. P.: PUF, collection «Que sais-je?» № 2466. 1989.

Tadié J.-Y. Le roman d'aventures. P.: PUF, collection Ecriture, 1982.

Tortel J., Lacassin Fr., Noël A. Entretiens sur la paralittérature. Plon, 1970.

Vaillant Alain. Invention littéraire et culture médiatique au XIXe siècle // Mollier Jean-Yves, Sirinelli Jean-François et Vallotton François (dir.). Culture de masse et culture médiatique en Europe et dans les Amériques (1860–1940). Paris: PUF, 2006. P. 11–22.

Notes

Angenot M. (2013) *Les dehors de la littérature: du roman populaire à la science-fiction*. [Outside Literature: from the Popular Novel to Science Fiction] Paris: Champion Publ.

Balzac O. de. (1831) *Romans et contes philosophiques* [Philosophical Novels and Fairytales]: en 3 volumes in-8. Vol. 3. P.: Edit. Gosselin. P. 301–320.

Barbey d'Aurevilly J. (1966) *L'Ensorcelée*. [The Bewitched] P.: Garnier-Flammarion Publ.

Compère D. (2007) *Dictionnaire du roman populaire francophone* [Dictionary of French Popular Novels]. P.: Nouveau Monde éditions Publ..

Desnoyers L. Un peu d'histoire à propos de roman [A Little Bit of History of the Novel]. *Le Siècle.* Les 5, 28 et 29 septembre 1847.

Dumas A. (1869) *Une Fille du Régent*. [The Regent's Daughter] P.: Levy Frères Libr. Editeurs Paris Publ.

Gaschon de Molènes P. Revue littéraire [Literary magazine]. *La Revue des Deux Mondes*, 15 décembre 1841, 15 mars 1842, 15 juin 1843. Cité dans La Querelle du roman-feuilleton : littérature, presse et politique, un débat précurseur, 1836–1848 [Cited in: Controversy over Roman Feuilleton: Literature, the Press and Politics, the Debate Precursor, 1836–1848] / textes réunis et présentés par Lise Queffélec-Dumasy. Grenoble: ELLUG, 1999. P. 157–183, 184–209 et 210–235.

Histoire de la littérature populaire. [History of Popular Literature] (1967). *Magazine Littéraire* 9.

Ladmiral J.-R. (1981) Elements de traduction philosophique [Elements of Philosophical Traduction]. *Langue francaise* 51: 19–34.

Les genres de la littérature populaire. [Genres of Popular Literature] (1974) *Poétique* 19.

Le roman d'aventures. [Adventure Novel] (1976). *Magasine Litteraire*: July-August.

Le roman feuilleton. [Roman Feuilleton] (1974). *Europe* 542.

Littératures populaires. [Popular Literature] (1980). *Critique* 394.

Makarova P.A. (2013) Frantsuzskiy istoricheskiy roman 1840–1850-kh godov: «Zhan Kaval'e, ili Fanatiki Sevenn» E. Syu [French Historical Novel of the 1840s – 1850s: "Jean Cavalier, or the Fanatics of the Cevennes" by E. Sue]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* 4: 309–314.

Noe A. *Romans populaires français du 19 siècle* (internet-versiya lektsiy) [French Popular Novels of the 19th Century (the online version of lectures)]. Available at : http://homepage.univie.ac.at/alfred.noe/Populaire/Populaire-index.htm.

Noë R. (2000) *Cinq siècles de lecture populaire*. [Five Centuries of Popular Reading] Bernay: Société d'histoire de la lecture.

Recherches en littérature populaire [In Quest of Popular Literature] (1993–1994) *Tapis Franc* 6.

Sainte-Beuve Ch.-A. *De la littérature industrielle* [About Industrial Literature]. *La Revue des Deux Mondes*. 1er septembre 1839/ cité dans La Querelle du roman-feuilleton: littérature, presse et politique, un débat précurseur, 1836–1848 [cited in: Controversy over Roman Feuilleton: Literature, the Press and Politics, the Debate Precursor, 1836–1848] / textes réunis et présentés par Lise Queffélec-Dumasy. Grenoble: ELLUG, 1999. P. 25–43.

Sue E. (1840) *Jean Cavalier, ou Les fanatiques des Cevennes* [Jean Cavalier, or the Fanatics of the Cevennes]. Vol. I–IV. P.: Librairie de Charles Gosselin Publ.

References

Artaga L. (ed.). (2008) *Le roman populaire: des premiers feuilletons aux adaptations télévisuelles, 1836–1960* [Popular Novel: from the First Feuilletons to Television Adaptations, 1836–1960].

Boyer A.-M. (1992) *La Paralittérature* [Paraliterature]. P.: PUF, collection «Que sais-je?». № 2673.

Chekalov K.A. (2008) *Formirovanie massovoy literatury vo Frantsii. XVII – pervaya tret' XVIII veka.* [The Development of Mass Literature in France. The 17th – the first third of the 18th century] Moscow: IMLI RAN Publ.

Chekalov K.A. (2006) Zhanrovyy poisk rannego E. Syu (rubezh 1830-1840 gg.) [Early E. Sue's Genre Search (the turn of the 1840s)]. In A.D. Mikhaylov, K.A. Chekalov (eds.) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh gg. XIX veka. Vtoraya proza.* [French Literature in the 30s – 40s of the 19th Century. The Second Prose]. Moscow: Nauka Publ. P. 146–174.

Couégnas D. (1992) *Introduction à la paralittérature* [Introduction to Paraliterature]. P.: Seuil Publ.

Guise R. (1993–1994) Le roman-feuilleton et la vulgarisation des idées politiques et sociales sous la Monarchie de Juillet [Roman Feuilleton and the Vulgarisation of Political and Social Ideas under the July Monarchy]. In Recherches en littérature populaire [In Quest of Popular Literature]. *Le Tapis Franc* 6.

Kálai S. (2012) «Tout n'est que série, succession, suite et feuilleton ici-bas» [All this is Just Series, Sequence, Sequel and Feuilleton]. In COnTEXTES [Electronic review]. Liège: Université de Liège. № 10. Querelles d'écrivains (XIXe-XXIe siècles): de la dispute à la polémique [Controversy among Writers (the 19th – 21st Centuries): from Dispute to Polemics]. Available at: http://contextes.revues.org/4910 (accessed at: 19. 10. 2016).

Kavelti Dzh. G. (1996) Izuchenie literaturnykh formul [A Study of Literary Formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 22: 33–64.

Khalizev V. E. (1994) *Osnovy teorii literatury* [Fundamentals of the Theory of Literature]. Moscow.

Kozlov E.V. (2009) *Razvlekatel'nyy narrativ v paraliterature: kul'turnyy status i diskursivnye praktiki*: diss. ... doktora filosofskikh nauk: 24.00.01 [Entertaining Narrative in Paraliterature: Cultural Status and Discursive Practices: Dr philos. sci. diss.: 24.00.01]. Saint-Petersburg.

Krizhovetskaya O.M. (2008) *Narratologiya sovremennoy belletristiki*: avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10. 01.08 [The Narratology of Contemporary Belle Lettres: abstract of PhD philol. sci. diss: 10.01.08]. Tver'.

Lacassin F. (1991) *A la recherche de l'empire caché: mythologie du roman populaire*. [In Search of the Secret Empire: the Mythology of the Popular Novel] P.: Julliard Publ.

Litvinenko N.A. (1999) *Frantsuzskiy istoricheskiy roman pervoy poloviny XIX veka: evolyutsiya zhanra:* diss. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.05 [French Historical Novel in the First Part of the 19th Century: Evolution of the Genre: Dr philol. sci. diss.: 10.01.05]. Moscow.

Lotman Yu.M. (1993) Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema [Mass Literature as a Historical and Cultural Problem]. In Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i.*Vol. 3. Tallinn: Aleksandra Publ.

Massovaya literatura kak sotsial'nyy fenomen [Mass Literature as a Social Phenomenon] (1998). In Gudkov L., Dubin B., Strada V. *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury* [Literature and Society: Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RGGU, 1998. Available at: http://www.iek.edu.ru/publish/pusl5.htm (accessed at: 27.01.2017).

Nathan M. (1991) *Splendeurs et misères du roman populaire*. [Splendors and Miseries of the Popular Novel]. Lyon: Presses universitaires de Lyon Publ.

Pakhsar'yan N.T. (2009) Esteticheskie tsennosti i otsenki vo frantsuzskom populyarnom romane: dinamika vzaimodeystviya [Aesthetic Values and Assessments in the French Popular Novel: the Dynamics of Interaction]. In *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii. Sbornik nauchnykh trudov* [Assessments and Values in Contemporary Scientific Knowledge]. Vol. 1. Kaliningrad: RGU im. Immanuila Kanta Publ. P. 29–39.

Pakhsar'yan N.T. (2006) Frederik Sul'e i stanovlenie romana-fel'etona vo Frantsii XIX veka [Frédéric Soulié and the Formation of Roman Feuilleton in France during the 19th Century]. In A.D. Mikhaylov, K.A. Chekalov (eds.) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh gg. XIX veka. Vtoraya proza* [French Literature in the 30s – 40s of the 19th Century. The Second Prose]. Moscow: Nauka Publ. P. 124–145.

Queffélec L. (1989) L'auteur en personne dans le roman populaire. Dumas, Sue [The Narrator in the Popular Novel. Dumas. Sue]. *Le Tapis Franc* 2. Hiver 1989. P. 7–27.

Quéffelec-Dumasy L. (1989) *Le Roman-feuilleton français au XIX siècle* [French Roman Feuilleton in the 19th Century]. P.: PUF, collection «Que sais-je?» № 2466.

Samorukov I.I. (2006) *Massovaya literatura: problema khudozhestvennoy refleksii.* Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.08 [Mass Literature: the Problem of Artistic Reflexion: PhD philol. sci. diss.: 10.01.08] Samara.

Sogomonyan M.K.(2009) *Stanovlenie populyarnogo romana v latinoamerikanskoy proze XIX veka*]: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 [The Formation of the Popular Novel in Latin American Prose in the 19th Century: PhD philol. sci. diss.: 10.01.03]. Moscow.

Tadié J.-Y. (1982) *Le roman d'aventures.* [The Adventure Novel] P.: PUF, collection Ecriture, 1982.

Todorov Ts. (1997) *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to Fantastic Fiction]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi Publ.

Tortel J., Lacassin Fr., Noël A. (1970) *Entretiens sur la paralittérature.* [Talks about popular literature]. Plon.

Vaillant A (2006). Invention littéraire et culture médiatique au XIXe siècle [Literary Invention and Media Culture in the 19th Century]. In J-Y. Mollier, J-F. Sirinelli, F. Vallotton (eds.) *Culture de masse et culture médiatique en Europe et dans*

les Amériques (1860–1940) [Mass Culture and Media Culture in Europe and America (1860–1940)]. Paris: PUF Publ. P. 11–22.

Vershinina N.L. (1998) *Problema belletristiki kak vida literatury v literaturovedenii 1930-kh gg.* [The Problem of Belle Lettres as a Kind of Literature in Literary Studies of the 1930s] // *Literaturovedenie na poroge XXI veka*. Moscow. P. 223–228.

Поступила в редакцию
30.01.2017